

После отъезда Ло Бая Сян Хань на несколько дней потерял всякий аппетит. Ему казалось, что блюда, приготовленные другими императорскими поварами безвкусны и совсем не так хороши, как у Ло Бая.

Старший А вернулся после того, как выпил упаковку питательного раствора и, не сдержавшись, съязвил: [Живущий в благополучии, не знает о собственном счастье].

Чжао Цзэ тоже был очень недоволен. Он не понимал, когда чувства маленького императора к Ло Баю стали такими глубокими.

Во время дневных занятий он аккуратно заговорил о том, что правитель должен ставить на первое место страну и не должен вязнуть в личных отношениях. Тем более ему не простительно любить одного человека, и благодать нужно делить поровну...

О чем он говорит? Чжао Цзэ резко отложил книгу, ему хотелось ударить себя по голове.

Сян Хань пришел в замешательство и удивленно посмотрел на него:

— Сановник Чжао, мы бы хотели разделить благодать, но дворец императорских жен пуст.

Чжао Цзэ на мгновение застыл. Первой мыслью ему пришло в голову, что маленький император захотел выбрать себе наложницу. Это не плохо, но...

Но почему-то на душе стало тяжело, и он спросил:

— Ваше величество, сын какого семейства привлек ваше внимание?

Сян Хань снова на какое-то мгновение пришел в замешательство и быстро замахал руками.

— Сановник Чжао неправильно понял. Мы просто сказали это не задумываясь.

Чжао Цзэ вздохнул с облегчением, но в то же время почувствовал себя неловко. Судя по поведению маленького императора, он, вероятно, еще не забыл Ло Бая.

Почему, когда дело касалось его, маленький император опустил руки так быстро, тогда как Ло Бая он все еще не мог забыть?

Чжао Цзэ расстроился. Когда он нравился маленькому императору, ему не терпелось сбежать. Теперь, когда маленький император тосковал по кому-то другому, ему как будто... было невыносимо.

На этот раз Чжао Цзэ не сдержался и в самом деле ударил себя по голове, после чего заметил, что маленький император снова лежит на столе со скорбным выражением лица.

Чтобы маленький император побыстрее забыл Ло Бая, Чжао Цзэ предложил организовать осеннюю охоту. Во-первых, это помогло бы ему развеяться, а во-вторых, маленький император уже полгода обучался верховой езде и стрельбе из лука и теперь настало время продемонстрировать результаты.

Сян Хань никогда раньше не принимал участия в подобном мероприятии и невольно испытал подъем, поэтому быстро согласился.

Прибыв в охотничьи угодья, Сян Хань осмотревшись по сторонам, сразу заметил нескольких чиновничьих детей, которые тогда в ресторане плохо отзывались о нем. Он хорошо запомнил, как выглядели эти парни.

Глядя на их нетерпеливые и взволнованные лица, Сян Хань легко усмехнулся и тайком приказал своим личным телохранителям:

— Проследите за этими парнями, не дайте им поймать ни одного кролика.

В этот момент подошел Чжао Цзэ, одетый в охотничью одежду, с длинным мечом на боку. Он заметил взгляд маленького императора, устремленный на группу молодых чиновничьих отпрысков. В его глазах вспыхнул темный свет, он шагнул вперед, загораживая ему вид, и поклонился.

— Ваше величество, приготовления завершены. Мы можем начинать.

Глаза Сян Хань загорелись, когда он увидел его. Наряд Чжао Цзэ был впечатляющим. В ярких черных доспехах все его черты казались более глубокими и мужественными. Его тонкие губы были чуть поджаты, глаза стали темнее и глубже, прежняя изысканность мгновенно сменилась несгибаемостью и смелостью.

У Сян Ханя невольно перехватило дух.

Чжао Цзэ его восхищение необъяснимо ошастливило, уголки его губ невольно приподнялись, и он спросил:

— Ваше величество?

Сян Хань тут же пришел в себя и отдал команду.

Принц Лян был освобожден от домашнего ареста несколько дней назад, так что он тоже был

здесь. Но сославшись на физическое недомогание он отказался от охоты и предпочел наблюдать со стороны.

Сейчас он стоял перед лагерем. Он смотрел на то, как прежде худой и слабый маленький император доблестно вскочил на своего коня, преисполненный уверенности в себе, в окружении министров и телохранителей, и его сердце захлестнула волна зависти.

Когда-то он был всего в шаге от этой почетной доли. Когда он был наследным принцем, Сун Хань был просто непопулярным принцем. С какой стати он отобрал у него все?

Принц Лян до сих пор не хотел верить в правду о своем рождении. Упрямо веря, что это три министра, помощники правителя, сфабриковали завещание императора. Ради власти и могущества эти трое свергли его с трона.

Он должен вернуть все, именно он подлинный император.

Сян Хань сел на коня, взял лук и стрелы, которые передал ему телохранитель. По спине вдруг пробежал холодок, и он оглянулся.

Это застигло врасплох принца Лян, и их взгляды встретились. Невольно поменявшись в лице, он очень быстро вернул себе учтивое выражение.

Сян Хань внезапно растерялся, затем нарочно повернул коня и подъехал к принцу Лян и, проявляя сердечную заботу, пылко заявил:

— Поскольку старший брат императора недомогает, когда мы закончим охоту, старший брат без стеснения может выбрать себе что угодно. Не нужно церемониться.

Окружающие министры один за другим восхваляли его величество за его глубокие братские чувства и почтение к принцу Лян.

Внешне принц Лян выглядел растроганным, охал и благодарил за милость. Однако внутри он был смертельно разъярен, ему хотелось разорвать улыбающееся лицо маленького императора в клочья.

Спровоцировав ярость принца Лян, Сян Хань довольный поехал в охотничьи угодья. Дождавшись, пока остальные люди разойдутся, он подъехал к Чжао Цзэ и тихо спросил:

— Сановник Чжао, только что принц Лян так пристально смотрел на нас, что у нас все волосы встали дыбом. Он не замыслил ничего сделать во время осенней охоты?

Чжао Цзэ склонился, оборачиваясь и ответил:

— Отвечая на вопрос его величества, принц Лян в последнее время почти ничего не делал. Ранее он действительно, что-то замышлял, но потом передумал. Должно быть, из-за того, что осенняя охота слишком строго охраняется, слишком легко попасться. Он очень осторожный и не даст себя легко разоблачить.

— Кто сказал, что он ничего не делал? — Сян Хань нахмурился и недовольно сказал: — Мы слышали, что многие люди в Чанъане говорят о том, что мы отправили сановника Ло в море ради дутого честолюбия, изнуряя народ непосильным трудом и расточая богатства.

Чжао Цзэ нахмурился. Он уже арестовал человека, ответственного за распространение слухов, и допросил. Откуда маленький император узнал об этом?

— Его только что освободили из-под домашнего ареста, а люди уже ругают нас. Мы думаем, что ему лучше оставаться в своем дворце, — подвел итог Сян Хань.

Чжао Цзэ, поколебавшись, спросил:

— Его величество хочет...

— Даже если он не планирует ничего делать во время осенней охоты, мы с тобой можем ему помочь, — несколько недоброжелательно сказал Сян Хань.

Это «мы с тобой» очень понравилось Чжао Цзэ, если бы не это, он бы точно не согласился. Но, глядя на воодушевленного маленького императора, он почти не думая, вздернул брови и сказал:

— Хорошо.

Осенняя охота должна была продлиться полмесяца. Но, позабавлявшись несколько дней и сделав выговор некоторым отпрыскам чиновников за неумение охотиться и пустую трату стрел, Сян Хань решил возвращаться.

Поэтому вскоре Сян Хань во время охоты столкнулся с убийцей. Чжао Цзэ подхватив его на руки отвез его в лагерь.

После того, как дрожащий придворный лекарь вошел в палатку и притворившись опечаленным ушел, Сян Хань вдруг открыл глаза и нахмурился, глядя на побледневшего Чжао Цзэ.

Вообще-то, они договорились разыграть спектакль, и по первоначальному плану привезти его должен был телохранитель. Вот только Чжао Цзэ почему-то вдруг так занервничал, что, схватив его, привез лично.

— Сановник Чжао, только что ты выглядел ужасно, что-то случилось? — невольно спросил он.

Чжао Цзэ чуть вздрогнул и покачал головой:

— Ничего.

Хотя он знал, что это всего лишь игра, в тот момент, когда он увидел, что в маленького императора «попала» стрела, он испугался без всякой причины, невольно схватил его в охапку и привез сюда.

— О, — Сян Хань вздохнул с облегчением, посчитав, что это удачное притворство.

После того, как маленького императора подстрелили, осенняя охота подошла к концу, и императорский выезд той же ночью вернулся во дворец. Принц Лян, глядя в сторону императорского шатра, почувствовал необъяснимое беспокойство.

Вернувшись во дворец, маленький император резко «впал в бессознательное состояние».

Когда императорская охрана ворвалась в поместье принца Лян, он не удивился. Он действительно планировал напасть во время осенней охоты, но, тщательно все обдумав, пришел к мысли, что время еще не пришло, и решил подождать. В конце концов, он еще не полностью контролировал северо-западную армию, а Чжао Бин Чжан был все еще жив.

Однако отступал он слишком быстро, и сложно было не оставить следов. Похоже, маленький император что-то заметил и использовал против него его же оружие.

Принц Лян не хотел с этим мириться, но быстро успокоился. Он вовремя остановился, так что, даже если его разоблачили, никаких веских доказательств не было. Поэтому, исключая просьбу встретиться с Сян Ханем, он ничего не сказал.

Имперской охране только и оставалось, что окружить поместье принца Лян, не позволяя никому ни войти, ни выйти.

Другие не могли воздействовать на принца Лян, но с наставником двора Чжао все было иначе. Он знал, что принц Лян не был связан кровью с предшествующим императором, и, узнав, что принц осмелился совершить покушение на императора, он немедленно отдал приказ сослать его охранять императорскую усыпальницу. Он был чиновником высокого ранга, помощником правителя и в случае необходимости мог действовать от имени императора.

Тем временем Сян Хань сидел, подогнув ноги, в опочивальне и жевал куриные лапки. Услышав об этом деле, он тут же бросил куриные лапки и снова лег на императорское ложе едва приоткрыв глаза.

Когда пришел наставник Чжао и увидел его бледное лицо, у него полились слезы. Он опустился на колени перед императорским ложем и запричитал:

— Ах, старый слуга виноват перед прежним императором...

Сян Хань приподнял ослабевшую пятерню и, увидев, что она в масле, наплевав на мизофию, обтер ее об императорскую кровать и, задыхаясь, сказал:

— Почтенный наставник, мы слышали, что... кхэ, кхэ, слышали, что старший императорский брат...

Почтенный наставник двора поспешно приблизился и утешительно сказал:

— Не беспокойтесь, ваше величество. Принц Лян затаил в душе недоброе и замыслил погубить его величество. Но старый слуга уже распорядился сослать его в усыпальницу императора и в ближайшее время он отправится туда.

Сян Хань старательно потряс головой и с трудом сказал:

— Почтенный наставник, императорский, старший императорский брат и мы... в конце концов, брата. Слишком сложно охранять усыпальницу императора. Просто, просто посадите принца Лян в его поместье.

Усыпальница императора находилась у черта на куличках. Если отправить туда принца Лян, кто знает, когда он сбежит. Уж лучше держать его на виду, так спокойнее.

Наставник Чжао, увидев, что маленький император все еще почитал старшего брата и не разочаровался в нем, мысленно вздохнул: «Его величество слишком добр».

Наблюдая, как Сян Хань так глупо переживает за принца Лян, ему хотелось рассказать, что принц Лян не был ему родным братом. Но, помня наказ покойного императора, он все же решил не делать этого.

Снова посадив под арест принца Лян, Чжао Цзэ полностью оказался в лодке маленького императора. Все-таки дело о возложении вины полностью было под его контролем, и даже то, что маленький император притворялся бессознательным, помогал скрывать он.

Провожая взглядом отца, Чжао Цзэ глубоко вздохнул. Если бы дело происходило годом ранее, он бы ни за что не ввязался в затею подставить невинного человека. Если бы наставник Чжао знал, что он делал в последние дни, то обязательно обругал бы его, что все книги святых мудрецов, прочитанные им, пошли псу под хвост.

После того, как Сян Хань «очнулся», ему не потребовалось много времени, чтобы снова ожить. Без принца Лян, исподтишка строившего козни, он смог высвободить время и уладить беспорядок на юго-западе. На самом деле, ему не пришлось ничего делать, в основном все это делал Чжао Цзэ.

В конце концов, его миссия заключалась в том, чтобы помочь Чжао Цзэ стать мудрым министром этой эпохи, и он не должен слишком вмешиваться.

Чжао Цзэ отправился на юго-запад в качестве военного надзирателя, а через полгода командующий юго-западной армией умер от болезни. Сян Хань не стал продвигать нового генерала и в открытую попросил Чжао Цзэ временно принять обязанности главнокомандующего армией.

Чжао Цзэ был мастером кисти и меча. В оригинальной истории, под покровительством принца Лян, он сразу же стал главнокомандующим северо-западной армии и оказал неоценимую помощь принцу Лян. Сейчас в северо-западной армии был Ван Цзюнь, поэтому Сян Ханю оставалось только отправить его на юго-запад.

Два года спустя Чжао Цзэ успешно усмирил юго-запад и вернулся с триумфом. Сян Хань лично выехал его встречать к городским воротам.

Чжао Цзэ, одетый в сверкающие доспехи, натянул поводья и неторопливо приблизился к городским воротам. После двух лет, что они не виделись, его лицо стало тверже и смуглее, но он по-прежнему был красив.

Дойдя до городских ворот, он вдруг поднял голову и посмотрел на знакомую фигуру, которая стала намного выше. Его губы медленно растянулись в улыбке, а во взгляде вспыхнула безграничная тоска.

Сян Хань стоял на городской стене и в эту же минуту посмотрел вниз. Когда их взгляды встретились, его сердце необъяснимо взволновалось.

Сян Ханя это потрясло, но хорошенько подумав, он решил, что это путь просвещенного государя и вполне нормально волноваться, когда любимый военачальник возвращается с триумфом.

Он быстро спустился с городской стены, принял поклон Чжао Цзэ, затем усадил его в императорскую повозку, и они вдвоем вернулись во дворец.

Министров, сопровождавших императора, эта сцена несколько изумила.

Уважаемый Чжао внес огромный вклад, усмирив юго-запад, в его руках были сосредоточены крупные военные силы, что легко могло вызвать опасения у императора. Вероятно, из-за этих

переживаний, наставник двора Чжао полмесяца назад полностью передал свои полномочия и отдыхал дома.

Но только что совершенный его величеством поступок можно было расценивать, как признание заслуг сановника Чжао. Вот только непонятно... этот поступок приведет к восхвалению или казни?

Министры какое-то время по секрету обменивались предположениями, однако они не знали, что в повозке Чжао Цзэ уже крепко держал руку маленького императора. Он смотрел на него горящим взглядом, страстно желая заключить его в объятия.

После отъезда из Чанъаня самым невыносимым для него было не видеть маленького императора. Обычай людей на юге были гораздо более открытыми, за последние несколько лет он повстречал много старших и младших побратимов, и постепенно он понял свои чувства к маленькому императору. И сейчас, когда он увидел человека, который не выходил из его мыслей ни днем, ни ночью, он не мог оставаться спокойным.

Руке, которую взяли в захват, было больно, Сян Хань попробовал освободиться, но не смог, обнаружив, что ладонь, державшая его становилась все горячее, он невольно поднял голову и удивленно спросил:

— Сановник Чжао?

Услышав обращение, которое он так давно не слышал, Чжао Цзэ на короткое мгновение словно впал в транс, когда он пришел в себя, его хватка стала еще крепче, однако голос звучал очень нежно.

— Верный слуга здесь.

Сян Хань вздрогнул и, осторожно приподняв императорскую руку, неловко сказал:

— Сановник Чжао, наша рука вот-вот сломается.

Чжао Цзэ словно ударило током, он тут же отпустил его руку. Он наконец вспомнил, кто они, вспомнил разницу положений между правителем и подчиненным, и в его глазах вспыхнуло страдание.

С того момента, как он осознал свои чувства к маленькому императору, вопрос о том, кем они являются, сковал его, словно оковы так, что он не смел переступить границы. И то, чему он ранее учил маленького императора, теперь стало величайшей насмешкой.

Он наставлял его величество о недопустимости мужеложства, что недопустимо заводить фаворитов, но в конце концов сам влюбился в его величество.

Тепло в глазах Чжао Цзэ вдруг остыло, он стал предельно хладнокровным и даже невидимо отделился от маленького императора.

В сердце Сян Ханя закралось недоумение, но он не стал об этом слишком задумываться.

Вернувшись во дворец, Сян Хань сначала раздал множество наград, а затем объявил, что организует пир для народа.

Под руководством наставника двора Сян Хань теперь мог умело вести политические дела. Опираясь на информацию от Ван Цзюня, он использовал неэффективность военных действий как предлог, для того чтобы заменить большинство генералов в северо-западной армии, которых назначил принц Лян. К тому же наставник двора Чжао своевременно сложил с себя полномочия, и теперь Сян Хань, можно сказать, контролировал императорский двор.

Что касается народа. После составления «Словаря» наставник двора Чжао, не жалея сил, проповедовал, что это результат неусыпной заботы его величества о студентах всей поднебесной. А два года назад Сян Хань с помощью системы успешно улучшил технологию выращивания риса в Даци, что значительно увеличило его урожайность.

Поэтому и образованные люди, и простой народ очень уважали Сян Ханя. Принц Лян, эти два года ожидавший своего часа, притаившись в тени, не только не смог вывести Сян Ханя на путь тирана, но и наоборот стал свидетелем того, как его репутация становилась все лучше и лучше.

Пир должен был состояться только вечером, поэтому Чжао Цзэ воспользовался свободным временем, чтобы вернуться домой и очень скоро узнал о действиях Сян Ханя за последние два года.

Выслушав отчет своего доверенного лица, он почувствовал печаль и потерю. Его маленький император вырос, он больше не нуждался в нем постоянно.

Утешало только то, что за это время маленький император не выбрал себе наложницу и рядом с ним не было фаворита.

Вечером он отправился на празднование во дворец. Глядя на грациозных танцовщиц, он залпом опустошил чарку вина, тоскливо подумав: «Почему же за эти годы рядом с его величеством никто не появился? Никого не полюбил или все еще скучает по Ло Баю?»

Увидев, как Чжао Цзэ пристально смотрит на круг танцовщиц, Сян Хань мысленно скривился. «В армии служил всего два с половиной года, а увидел женщин и прямо глаз оторвать не может. Безднадежный».

Ему стало немного грустно, и он выпил чарку вина. Подняв глаза и увидев, что мужчина

продолжает смотреть на танцовщиц, он не сдержался и скрипнул зубами. Неожиданно в этом мире Чжао Цзэ оказался таким ветренным. Хорошо, что он выбрал путь просвещенного государя и мудрого подданного.

Однако подумав о том, что должно было его порадовать, Сян Хань почувствовал жжение в сердце.

Должно быть, он слишком много выпил, решил он про себя, совершенно не обращая внимание на то, что это было его сердце, а не желудок.

Подумав так, он выпил еще несколько чарок, пока желудок не начал гореть. Он остановился и, прищурившись, посмотрел на Чжао Цзэ.

Чжао Цзэ в это же время обернулся на него, оба на миг опешили. После чего Сян Хань пьяно сказал:

- Сановник Чжао, ты, ты пойдись сюда, нас интересуют... дела на юго-западе. Подойди и расскажи нам.

Чжао Цзэ видел, что он пьян. Следовало бы позвать его свиту, чтобы они помогли императору удалиться в опочивальню, но в этот момент лицо маленького императора покраснело, и он смотрел на него затуманенным взглядом, совсем как жена смотрит на своего мужа в первую пору супружества, так что он не смог отказаться.

Он приблизился и поклонился, как требовал этикет, а затем склонился к маленькому императору и сказал ему на ухо:

— Его величество пьян. Верный слуга сопроводит вас на отдых, хорошо?

Сян Хань всмотрелся в хорошо знакомые глубокие глаза, словно заколдованный, кивнул и сказал:

- Хорошо, сановник Чжао, помоги нам удалиться. Сегодня вечером мы хотим с сановником Чжао при свете свеч поговорить по душам.

Глаза Чжао Цзэ чуть потемнели, потакая эгоистичному желанию, он помог маленькому императору подняться, после чего, уклонившись от протянутой руки евнуха, приобнял императора и повел ко дворцу.

После того, как император вышел из-за стола, министры постепенно расслабились и стали пить более воодушевленно.

А Чжао Цзэ, удалившись от гомона, поднял маленького императора на руки, его глаза засияли, словно он держал на руках свою жену.

Сопровождающие, следовавшие за ними позади, нечаянно подняли глаза и увидели эту сцену, на лицах их отразилось ошеломление.

Чжао Цзэ бросил на них упреждающий взгляд. Люди тут же опустили головы, как будто ничего и не произошло.

Исключая легкое головокружение в тот момент, когда его подняли на руки, Сян Хань очень быстро привык к убаюкивающему ритму и в конце концов невольно закрыл глаза и уснул.

Во внутренних покоях, Чжао Цзэ осторожно положил его на императорское ложе. Но Сян Хань все же очнулся, он быстро поднялся и недоуменно огляделся, как будто не совсем понимая, как он сюда попал.

Наблюдая за его ошеломленным выражением лица, Чжао Цзэ все больше проникался к нему любовью.

Он обернулся и посмотрел на свиту, которая неотрывно следовала за ними. Поддавшись порыву, он склонился к Сян Ханю и сказал:

— Ваше величество, вы же хотели поговорить с верным слугой по душам при свете свеч. Почему бы вам сначала не отослать посторонних.

Сян Хань наконец вспомни последние события и поспешно приказал:

— Верно. Вы все свободны.

Свита переглянулась и осторожно отступила.

Отдав этот приказ, Сян Хань сел на край императорского ложа и снова заснул.

Чжао Цзэ обернулся и увидел эту сцену, его сердце опять невольно залило нежностью. Он приказал дворцовой служанке принести горячую воду и нежно обтер маленького императора.

В процессе Сян Хань дважды просыпался. Но каждый раз, увидев Чжао Цзэ, что-то бормотал, снова закрывал глаза и, успокаиваясь, засыпал.

Глядя на это, Чжао Цзэ наполнялся радостью и чувством вины одновременно. Он не ожидал, что по прошествии двух лет маленький император по-прежнему настолько доверяет ему и не

сомневается в нем.

Прежде чем он увидел маленького императора Чжао Цзэ невольно задавался вопросом, теперь, когда он обладает военной силой и добился больших достижений в битвах, станет ли его величество из-за этого опасаться его и испытывать подозрения.

Днем, когда он вернулся домой, наставник двора Чжао также предупреждал его, чтобы в будущем при дворе он был более осторожен в словах, остерегаясь того, чтобы заслуги подданого превосходили заслуги государя.

Но в этот момент, в сравнении с доверием маленького императора, его тревоги казались просто смешными.

Движения Чжао Цзэ стали еще мягче, и когда он вытирал губы, его рука невольно замерла. Маленький император вырос во дворце, за ним всегда ухаживали. Его кожа была намного светлее, чем у обычных мужчин, поэтому его губы казались алее и полнокровнее.

Чжао Цзэ не удержался и коснулся их большим пальцем, прикосновение к мягким губам заставило его сердце затрепетать, а в горле пересохло. Глаза мужчины алчно блеснули, нерешительно, сантиметр за сантиметром, оглаживая лицо императора, он наконец снова остановился на его губах.

В голове все время звучал искушающий голос: «Один раз, всего один раз. Маленький император спит, а в опочивальне больше никого нет, значит никто не узнает...»

Соблазнительный голос становился все громче, и Чжао Цзэ, казалось, мог слышать смешанное с ним сердцебиение, непрерывно бьющееся в ушах.

Он стиснул вспотевшие руки и безмолвно предупредил себя: «Только один раз...»

С этой мыслью он наконец наклонился и прижался к ярко-красным губам.

От этого нежного прикосновения его сердце бешено заколотилось. Он почувствовал, что не в состоянии твердо стоять на ногах, и сейчас упадет на юношу.

Он оперся рукой об императорское ложе и оцепенело закрыл глаза. После нежного прикосновения он осторожно высунул кончик языка и провел им по мягким губам юноши.

Вкус был таким же, как он и представлял, с тонким ароматом вина. Мозг Чжао Цзэ вскипел, тело разгорячилось, и ему нестерпимо захотелось большего.

Он немедленно завладел губами маленького императора, посасывая их. Заметив, что юноша не

просыпается, он стал смелее и, просунув кончик языка ему рот, лихорадочно задвигал им.

Сегодня вечером Сян Хань налегал на выпивку и совсем мало ел, его желудок был пуст, и он был голоден. Не осознавая, что ему снится, почувствовав, как что-то мягкое скользнуло ему в рот, он распахнул рот и укусил это.

Почувствовав боль, Чжао Цзэ поспешно отпрянул, прикрыв рот рукой, он нервно посмотрел на Сян Ханя. Но, увидев, что тот не проснулся, вздохнул с облегчением и рефлекторно пошевелил кончиком языка, что снова вызвало жгучую боль.

Глядя как маленький император шевелит губами во сне, Чжао Цзэ ощущал беспомощность.

<http://bllate.org/book/12631/1120567>